

лен ярлык ненавистного народом эксплуататора и даже преступника, повинного, с их точки зрения, в расстреле приисковых рабочих на р. Лене в 1912 г. Сегодня чтение такого рода «воспоминаний» заставляет горько сожалеть о том, как легко, просто, если не сказать примитивно, стереотипы капиталиста-эксплуататора переносились у нас на любого, кто был хоть как-то причастен к предпринимательству как таковому. Дело в том, что практически все, о чем поведал старый чекист, было обыкновенным вымыслом. Я.А. Немчинова (1813 – 1894) и его дочь Е.Я. Пяткову (1853 – 1943) А.И. Ведякин не видел, так как сам вернулся в город после 1910 г. Когда же произошли трагические события на Лене Я.А. Немчинова, как и его сына Андрея, тоже много сделавшего для Тары (и о чем долгое время не принято было упоминать), давно уже не было в живых: первый умер за 18, а второй за 12 лет до Ленского расстрела. К тому же, к 1902 г. практически большая часть приисков, принадлежавших Немчиновым и их потомкам, была поглощена другими компаниями и владельцами этих приисков были другие люди.

Не имело бы смысла столь подробно останавливаться на приведенных сюжетах, если бы и сегодня, когда уже более 10 лет интенсивно изучается история сибирского предпринимательства, написаны более сотни работ, в которых события XIX – начала XX вв. рассматриваются уже не с позиций «исторической целесообразности», а с позиций «исторической правды», практически на каждом шагу мы бы не сталкивались с элементарным незнанием исторических фактов. Когда в 1997 г. на фоне радости бывших студентов истфака по поводу защиты дипломных работ пришлось выслушивать от декана факультета выше приведенные «сказки», подумалось о том, что потребуется еще достаточно много усилий и времени, чтобы в сознании современного российского человека произошли необходимые изменения, а знания о прошлом стали бы основываться на выверенных исторических фактах.

2. ОТГОЛОСКИ ТАРСКОГО БУНТА 1722 Г.

Обратиться к событиям начала XVIII в. побудило несколько обстоятельств, главным из которых было стремление выявить причастность представителей купеческого клана Немчиновых к роду мятежного полковника И.Г. Немчинова, возмущившего в 1722 г. Тарский воинский гарнизон и поплатившегося за это собственной жизнью. В ходе поисков ответа на этот вопрос удалось выйти на публикации московского филолога, преподавателя МГУ В.В. Цоффки⁸, побывать в пос. Немчиновка Одинцовского района, встретиться с потомками москов-

ких купцов Немчиновых. Но получить документального подтверждения предполагаемой М.А. Белокрысом и Д.Я. Резуном⁹ родственной связи полковника Немчинова с сибирскими предпринимателями Немчиновыми пока не удалось. Расчеты на то, что хорошим подспорьем в решении поставленной задачи станут документы фонда Омско-Тарской епархии, на практике не оправдались¹⁰. И, тем не менее, исключать вероятность родственной связи между полковником Немчиновым и известными сибирскими предпринимателями Немчиновыми не хотелось бы. Драматической и интригующей могла бы стать в этом случае предыстория купеческого рода.

События начала XVIII в., «забытого» Тарского бунта 1722 г., впервые были упомянуты в трудах С.М. Соловьева и П.А. Словцова. Они подробно изложены в публикациях Н.Н. Покровского, Г.Я. Цветковой¹¹. Идеологическая основа протестных действий рассмотрена в трудах И.В. Побережникова¹². Борьба с расколом в Сибири стала темой исследования тобольского литератора и историка В.Ю. Софронова. Литературную версию событий 1722 г. предложил в книге «Отпор» омский писатель Павел Брычков.

Тара до начала XVIII в. оставалась крайним пограничным оборонительным пунктом на юго-востоке Западной Сибири и потому занимала важное место в степной политике Российского государства. В 1672 г. Тарский гарнизон насчитывал 743 человека. За службу служилые люди получали государево жалованье: денежное, хлебное, солевое, на время боевых действий выдавалось оружие и оружейные припасы. Служилый человек, отправляясь в любую погоду в дальние, лежащие подчас в сотне вёрст от дома, места, испытывал лишения, голод, рисковал погибнуть от дикого зверя и от худого человека. Особое неудовольствие вызывали попытки «отставить» от службы и записать в пашенные крестьяне. Не случайно возникло выражение «посадить на пашню». Время от времени государь жаловал довольствия сверх окладов: за удачную воинскую экспедицию, за походы «по соль», водочное жалование (по две чарки) по праздникам, так называемое «погребное жалование». Наградой для служилых людей могла стать и посылка в Москву с «государевыми отписками»: книгами ясачного сбора или же по каким-то другим надобностям.

Испытывая огромные трудности и лишения военной службы, служилый человек остро реагировал на всякое ущемление своих прав. Это наглядно проявилось в отказе тарских жителей от принятия присяги по царскому указу о престолонаследии 1722 г. Тарские события явились ответом на те условия, в которые были поставлены рядовые ста-

тивности присяги неназванному наследнику. В ходе последующего следствия выяснилось, что письмо писано тарским жителем Петром Байгачевым в старообрядческом скиту старца Сергия.

С 18 мая в Таре в доме полковника И. Немчинова активно обсуждали текст «противного письма». В беседах, чтении старообрядческих книг, толковании об антихристе, выработался окончательный его вариант. В фонде Сибирской губернской канцелярии РГАДА имеется «Копия с подлинного Тарского в противности в присяге розыскного дела», где на 630 страницах скопированы не только протоколы допросов, но и приведен текст «противного письма», под которым поставили свои подписи с указанием сословной принадлежности 228 человек. По данным Г.Ф. Миллера, 27 мая около 700 тарских жителей в присутствии коменданта Глебовского отказались принять присягу наследнику Российского престола. Тарчане объясняли свой поступок тем, что в уставе имя наследника «не означено», «мы за такого неведома наследника клятвою не клянёмся, слова и креста не целуем, и рук не прикладываем». Единение было поразительным, так как против присяги пошли «всех разных чинов жители с домами своими и детьми». Вероятно, большинство тарских жителей последовало примеру уважаемых в городе людей: полковника Ивана Немчинова, Василия Исецкого, Ивана Подуши, Михаила Ембакова, Ивана Шевелясова, братьев Чередовых, Петра Байгачева и других. Среди ослушников оказался выходец из мелкопоместных дворян комендант Тары Глебовский. Авторитет же Ивана Чередова, много сделавшего для стабилизации внешних связей России с пограничными государствами, был высок не только в Таре, но и в Тобольске. Судя по доносу земского судьи Л. Верещагина, гарнизон возмутил полковник Иван Гаврилович Немчинов.

5 июня о непослушании жителей Тары узнала Тобольская администрация, интерпретировавшая его как бунт. 6 июня из столицы Сибири в Тару был отправлен карательный отряд полковника Батасова, составленный из 200 человек татарской конницы и артиллерии Санкт-Петербургского и Московского полков. Авангард этого отряда во главе с капитаном Львом Ступиным 13 или 14 июля подошёл к Таре и занял город. Отпорщики, не ожидавшие такого поворота событий, сопротивления не оказали. Предположительно, тарские пустынножители морально поддерживали своих «духовных детей», навещая в Тару до прибытия карательного отряда.

В доме полковника Немчинова укрылось 70 человек казаков и тарских жителей, стойко решивших принять всевозможные мучения, но не сдаваться властям. 26 июня из дома вышло 49 человек, не решив-

шихся на самосожжение и поддавшихся на уговоры военных. Остальные подорвали себя пороховым зарядом, после чего удалось всех вытащить из дома. Пять человек от ожогов скоро умерли, остальных лечили, отложив казнь до выздоровления. Полковника Ивана Немчинова, умершего в числе пяти человек, четвертовали, в назидание другим, «растывав» останки по копьям.

Тарский розыск, продолжавшийся до 1735 г., предшествующие события нашли отклик в старообрядческой литературе. Вплоть до начала XX в. появлялись повести, миниатюры, рисунки, освещающие отдельные эпизоды этого бунта. Академику Н.Н. Покровскому (Новосибирск) удалось обнаружить в старообрядческих книгах XIX в. страшное в своей реалистичности изображение четвертования полковника И. Немчинова. За Тарскими жителями закрепилось прозвище «коловичи» – посаженные на кол. По преданию, головы казнённых мятежников, насаженные на кол, выставлялись на всеобщее обозрение¹⁴.

Отголоски бунта 1722 г. нашли отражение в некоторых официальных документах. В Топографическом описании Тары и Тарского уезда 1788 г. указывалось: «...многие тарские жители и получили смертную казнь, яко-то: отсечение головы, повешение за рёбра иные сажены на кол и прочими наказаниями усмиряны». В описании имеются данные о разорении до 500 домов лучших граждан, от чего «город Тара прежнего могущества и красоты, и многолюдства весьма лишился»¹⁵.

Тарские жители, напуганные жестокими казнями, спешили в дальнейшем засвидетельствовать свою покорность властям и доносили о «потаянных тарских раскольниках». Но ни правительственные меры, ни добровольные доносы не смогли «вывести» раскол из Тары. В 1756 г. бывший бергамакский земский комиссар Фёдор Немчинов, сын тарского полковника И. Немчинова, благословил место горения собравшихся раскольников. Он был схвачен в Барабинской степи¹⁶.

В ходе следствия по делу тарских раскольников открылось широкое недовольство петровскими реформами, вновь всплыли указы о брадобритии, ношении немецкого платья.

В Ярославле историком А.И. Мальцевым было найдено дотоле неизвестное сочинение Семиона Денисова «Повесть о сибирских страдальцах», в котором в мельчайших подробностях описаны несколько актов сопротивления раскольников властям, в том числе участников тарских событий 1722 г. С. Денисов писал о том, как не пришедшие к присяге были «взыскуемы» посланным из Москвы вице-губернатором А.К. Петрово-Соловово. Приведем отдельные фрагменты повести без пояснений. Перед вице-губернатором была поставлена задача «тыя

го, был в курсе розыскного дела по Таре. Ознакомившись с присланными в Петербург старообрядческими книгами, он распорядился тщательно разыскивать такие произведения по всей Сибири и тут же сжигать²¹. Жестокость в подавлении бунта явилась всего лишь подтверждением того, что государственные деятели деспотического типа (к какому, безусловно, мы можем отнести Петра I), заимствовали у жесткого иноземного владычества основной метод управления – метод насилия, но их насилие было насилием над собственным народом.

По преданию, на месте массового захоронения в Таре длительное время существовал деревянный крест. Старый крест после обветшания периодически заменялся на новый. Так продолжалось до начала XX в. В это время корреспонденты сибирских газет, описывая быт тарчан, удивлялись их беспечности и лояльности по отношению к властям, не понимая, куда подевалась бывшая спесь у потомков «коловичей». В 1930-е годы А.Ф. Палашенков и тарские краеведы Ф.В. Мелехин и А.В. Ваганов планировали произвести разведочные работы в местах предполагаемых массовых захоронений жертв событий 1722 г. Тогда, как стало известно из дневников А.В. Ваганова, проведение этих работ не было разрешено. В 1980 г. в Таре в ходе подготовки к областному спортивному празднику «Королева спорта» были проведены большие работы по созданию зоны отдыха в районе загородной роции и, к сожалению, при планировании этих работ были игнорированы мнения историков и надлежавшей экспертизы проведено не было. Сегодня эти работы стали вообще невозможны из-за того, что захоронения оказались после возведения плотины на р. Аркарке затопленными водой. Нерядовому событию, на долгие годы превратившему Тару в опальный город, который как коронная власть, так и сибирская администрация практически до середины XVIII в. давила налогами и поборами, не давая возможности подняться с колен, укрепиться, еще предстоит занять подобающее место в истории города и получить прописку в учебниках отечественной истории, истории Сибири и историко-культурного наследия народов Омского Прииртышья.

3. О НЕРПИНЫХ, БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ И ПЕРВОМ ЧАСТНОМ ДОМЕ НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Несколько поколений историков не выполнили важную миссию – не смогли, не сумели отыскать документальных подтверждений того, что дом на бывшей ул. Никольской, а ныне ул. Советской в городе Таре, это и есть первое частное каменное строение на территории современ-

ной Омской области. Так или иначе, пока не удалось ни в одном сибирском или центральном архиве встретить хоть какие-то внятные намеки на истину. Фонд строительного отделения Тобольского губернского управления содержит значительный массив документов о планировании и строительстве общественных и жилых зданий XVIII – начала XX вв., но в этих документах о доме Нерпина нет даже упоминаний²². Поэтому приходится руководствоваться лишь предположением нашего старшего коллеги профессора А.Д. Колесникова о том, что белокаменный дом-красавец на ул. Никольской (современной ул. Советской) и есть знаменитый Нерпинский дом. Сопоставляя данные городских обывательских книг за 1792 – 1794, 1811, 1819 – 1821 гг., мы условно предположили, что этот дом появился в Таре ближе к 1794 – 1796 гг.

Это единственный сохранившийся жилой дом постройки конца XVIII в. Первое упоминание о нем относится к 1803 г. Он представляет собой трехэтажный, каменный, крытый железом особняк, который построен «изрядною архитектурю, и как снаружи, так и изнутри убран шекатурною хорошою работаю»²³. В оформлении особняка Нерпина нет излишеств. Первый этаж отделен горизонтальным пояском. Третий, сооруженный в виде мансарды, заканчивается «сухариками», поддерживающими карниз, и невысоким фронтоном с лепным орнаментом. Во второй половине XIX в. облик дома существенно изменили пристройки с северной и восточной сторон, исполненные в эклектичном стиле и совершенно не «вяжущиеся» с классицизмом основного корпуса.

За двухвековую историю помещения дома не раз подвергаясь перепланировке, утрачены многие элементы внутреннего убранства. Однако сохранившиеся филенчатые двери, узорчатое стекло фрамуг, ограждения лестниц, перила свидетельствуют о добротности его первоначального оформления. К 1950 г. были снесены сложенные из кирпича ворота и ограждения усадьбы, которые тоже представляли определенную архитектурную ценность. В 1960-е гг. исчезло солидное надворное строение, которое в советское время использовалось под электростанцию, а потом под городскую баню. Уровень проезжей части улицы за многие годы значительно поднялся, отчего первый этаж смотрится цокольным, а весь дом выглядит несколько приземистым. Тем не менее, здание и ныне остается ценным памятником гражданской архитектуры, а его стены хранят память о многих известных людях Сибири, сыгравших важную роль в развитии экономики и культуры региона. Здесь бывали купцы-золотопромышленники, пароходовладельцы, промышленники, иностранцы, известные благотворители, и, как мы

рообрядцы и расколоучители законодательством последнего десятилетия правления Петра I. За 17 лет до этих событий (в 1705 г.) жители Тары и весь ее воинский гарнизон в 500 казаков во главе с пятидесятиником отказались исполнить царский указ о бритье бород, усов и о ношении немецкого платья. От них отступились. Но повторения ситуации в 1722 г. не случилось.

Идейными вдохновителями протестных действий стали расколоучители. В разных уголках России шли толки о царе – антихристе, узурпировавшем прерогативу самого Иисуса Христа, – быть главой церкви земной и небесной. Дошли неприятные слухи и до Тары, где обитало значительное число старообрядцев. Волны переселения захватили тогда Тюмень, Тару, Томск. На огромных пространствах Сибири возникли тайные убежища, скиты, пустыни, где находили себе приют беглые сторонники старых обрядов.

К 1722 г. близ Тары существовало несколько старообрядческих скитов, среди которых выделились поповская Сергиевская пустынь (основанная старцем Сергием) и пустынь беспоповца Ивана Смирнова в д. Лоскутовой. Большинство рукописных тетрадок и столбцов были написаны рукой опытного книжника и гибкого политика старца Сергия, которому суждено было стать одним из главных вдохновителей и руководителей Тарского бунта. Он происходил из устюжской стрелецкой семьи. Это обстоятельство во многом определило его отношение к царю Петру, жестоко подавившего восстание стрельцов. Сергей стал монахом, священником, но сбежал от преследования Тобольского митрополита Тимофея и жил в сибирских старообрядческих скитах. В 170 верстах от Тары он организовал собственную пустынь, в которую стали стекаться беглые крестьяне и солдаты. Руководители скитов враждебно встретили действия появившегося в Тарском уезде отряда во главе с полковником А.И. Парфеньевым для переписи раскольников и обложения их двойным подушным окладом. Как Сергей, так и Иван Смирнов объявили появление полковника Парфеньева признаком наступления последних времён и призывали к неподчинению властям, ко всяческому отказу от записи в списки «слуг сатаны». Любое действие властей порождала призывы к самосожжению, как последнего прибежища от нашествия гонителей.

Иван Смирнов учил, что царь-Антихрист ввёл рекрутчину, чтобы собрать всё русское мужское население на завоевание Иерусалима, где, в соответствии с другими предсказаниями, он будет царствовать три с половиной года и погибнет во время второго пришествия Христа. Указ от 5 февраля 1722 г. заставил Смирнова несколько видоизменить этот

прогноз и теперь Антихристом был объявлен безымянный наследник Петра. Руководители пустыней неоднократно приезжали в Тару, агитируя своих приверженцев к неподчинению властям. Тарское духовенство занимало двойственную позицию, исполняло все положенные требы, но не выступало с активными проповедями против расколоучителей. Едва ли не половина тарских жителей, исправно посещавших храм Божий, оставались в душе сторонниками старой веры.

В указе о наследовании престола, основываясь на исторических и библейских примерах, Петр объявлял своим подданным о воле государей передать престол, «кому оный хочет». До этого же времени престол передавался, как известно, по старшинству, но печальный пример с царевичем Алексеем Петровичем побудил, очевидно, Петра I отказаться от стародедовских заветов. Для всех российских граждан устанавливалась присяга – клятвенное обещание признать безымянного наследника престола. В тексте клятвенного обещания оговаривалось: «ежели я сему явлюсь противен, или инако противен, что помянутому уставу толковать стану, то за изменника почтён и смертной казни и церковной клятве подлежать буду». Прозападные нововведения Петра воспринимались населением как попытки «онеметчить» страну, когда, по меткому замечанию П.Я. Чаадаева, цари тащили страну вперед без участия самой страны.

В старообрядческих скитах судили о царе, которого в детстве подменили и потому ему противно все отечественное. «...Он де швед обменной, потому догадывайся де, делает богу противно, против солнца крестят и свадьбы венчают, и образы пишут с шведских персон, и посту не может воздержать, и платье возлюбил шведское, и со шведами пьет и ест и из их королевства не выходит, и швед де у него в набольших». По легенде идеологов раскола – «извел русскую царицу и от себя отослал в ссылку, в монастырь, чтобы с нею царевичей не было. И царевича Алексея Петровича извел, своими руками убил для того, чтоб ему, царевичу, не царствовать. И взял за себя шведку блудницу, царицу Екатерину Алексеевну, и та де царица детей не родит. И он де, государь, сделал указ, чтоб за предбудущего государя крест целовать и то де крест целуют за шведа, одноконечно де станет царствовать швед...»¹³.

В Таре узнали об этом указе задолго до появления в городе сержанта Островского, прибывшего для приведения к присяге тарских жителей. Присягали в городах и уездах не одновременно, где-то раньше, где-то позже, а слухи имеют свойство распространяться почти мгновенно. 17 мая 1722 г. в Таре появился экземпляр текста присяги, где после официальных изъяснений шло «противное письмо» о богопро-

противники имати и, испытую по должности, казем подлагати». Его воины «устримися к Таре, и егда прибыше, вскоре тарского полковника и прочих того града ят и во оковах всади в темницу. И испытую таряны лютейшими испытания... бичи бия, за руки вспак повесив, от своих состав истерзая, оныя огнем опаляя, иным же ребра ломая, и теми иными озлобляя, нетерпимо весьма умучи...». Тарские жители «мужественно все терпяще, от древнего благочестия не отпадаху, в домах своих затворяющиеся и, зелье зажегше, вседомовне сожигаяху... ножи себе режуще и ужи удавляюще, умираху. Мнози же в бесчисленных муках, главами усекаемы скончевахуся...».

Дальнейшие действия Тобольского губернатора князя А.М. Черкасского и вице – губернатора А.К. Петрово-Соловово были направлены на ликвидацию пустыней и пустынножителей как истинных возмутителей. 9 ноября 1722 г. карательный отряд А.К. Петрово-Соловово разгромил скит Сергия и захватил его большую библиотеку. Припав к ногам старца, воины внезапно напали на старца, «руце и нозе связаша... имение же и скоты похити, храм молебный и кельи огню предаде и с таковым триумфом к Соловову связана инока с прочими представи...».

Сибирские власти отправили конфискованные книги в столицу. Там для порядка поступившим книгам составили ещё один реестр и отправили в Синод для экспертизы на предмет выявления степени зловредности. В Синоде тарские книги с интересом читали целых пятнадцать месяцев и порекомендовали публично сжечь, так как в них «по рассмотрению явились многие плутовские бредни и между тем богохульные и касающиеся чести его императорского величества непотребные слова»¹⁷.

Иван Смирнов оказался бдительнее, и попытка сжечь его скит закончилась самосожжением. Другой руководитель бунта, поручик П. Байгачёв, бежал, но был схвачен Верещагиным, который за крупную взятку дал ему возможность зарезаться по дороге. Для бывшего солдата Преображенского полка, а потом земского судьи в Таре, преступника и мистификатора, благополучно банкротившегося всю жизнь и постоянно выходившего сухим из воды Лариона Верещагина, это; похоже, было обычным делом¹⁸. Арестованный в числе первых Василий Исецкий до казни перенес много пыток. Руководитель Аремзянского скита Андрей Яковлевич Страшников за участие в тарских событиях был посажен на кол. Комендант Глебовский, совершавший эти аресты, сам попал на дыбу. Иван Падуша отстреливался от правительственных войск в своем доме до октября 1722 г. 28 октября во время вторичного

допроса на виске казачий пятидесятник И. Белобородов-Москалев показал, что призывали не идти к присяге Василий Исецкий, Петр Байгачев и Василий Руднев. Через 10 дней после этих показаний каратели вице-губернатора арестовали 170 обитателей скита старца Сергия. Из документов по розыскному делу от 18 мая 1724 г. следует, что крестьяне, которые жили в пустынях, отбывая тягла, и «слушали от оных толковщиков непристойные слова», в Таре были сечены кнутом, мужчинам по сто, а женщинам по пятьдесят ударов. После учиненного наказания они отосланы были к протоиерею Михаилу Яковлеву для исправления, а земским комиссарам приказано было определить их в тягло на прежнее место жительства¹⁹.

Число арестованных перевалило за тысячу человек. Карательные отряды прочёсывали леса, занимали деревни. Разгром пустыней продолжался и в последующие годы. Был разгромлен и скит, образованный недалеко от Тары талантливым писателем и рудознатцем Гаврилой Семеновым-Украинцевым.

Лучшие люди Тары – заводчики, дворяне, служилые люди, не подвергшиеся смертной казни, по приказу Правительствующего Сената сосланы были в Рогервик «в вечную работу». После смерти Петра I оставшиеся в живых 89 человек в 1729 г. были сосланы в Казанскую губернию и в Сибирскую Провинцию, где они были определены в солдатские слободы. Просьбы некоторых из них отпустить в прежние жилища, где остались их дети, в 1730 г. были удовлетворены. Почти половина жителей разбежалась и еще долго вылавливалась по глухим уголкам Сибири. Численность же жителей сократилась почти вдвое. Вот почему опальных отпустили в Тару жить с женами и детьми, «и тамошнюю службу служить по-прежнему». Им было объявлено, «ежели они впредь хотя мало в противность указам чинить будут, наказаны будут без всякого милосердия и дальнего розыска»²⁰.

Событиям Тарского бунта в русской исторической науке не повезло. В XVIII в. о них предпочитали молчать по причинам вполне понятным – они принадлежали к числу тех тайных страниц истории русского самодержавия, говорить о которых тогда было не безопасно. К тому же Тарский бунт был связан с вопросом о престолонаследии, особенно острым после дела царевича Алексея, а всё, относящееся к этому делу, засекречивалось тогда весьма тщательно. Возвеличивание исторической миссии Петра Великого, столь характерное для просвещённого абсолютизма середины XVIII в. и последующих этапов отечественной историографии, также не способствовало изучению обстоятельств антипетровского движения в Таре. Петр, по мнению Н.Н. Покровско-